

О. И. Красько

**ОСОБЕННОСТИ РЕФЛЕКСИИ В
АВТОБИОГРАФИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ ИСТОРИКОВ:
НА МАТЕРИАЛАХ ИНТЕРВЬЮ ВЫПУСКНИКОВ
ХАРЬКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
(КОНЕЦ 1980-х – НАЧАЛО 2000-х гг.)**

В статье проанализированы «устные воспоминания» профессиональных историков (выпускников Харьковского университета) с целью определения их рефлексивного самосознания в процессе интервьюирования. Охарактеризованы специфика интерпретации личного опыта и особенности самопрезентации историков в автобиографических текстах.

Ключевые слова: интервью, историки, респонденты, рефлексия, Харьковский университет.

Одним из традиционных жанров творчества историков Харьковского университета являются автобиографические тексты. Автобиографические записки и мемуары оставили такие дореволюционные исследователи, как Н. И. Костомаров, Н. Ф. Сумцов, В. П. Бузескул, А. С. Вязигин, Д. Н. Овсянко-Куликовский и др. В целом, для дореволюционной университетской мемуаристики характерно доминирование мемуаристов-гуманитариев, обусловленное профессиональными навыками последних и их склонностью к саморефлексии [2, л. 92].

Анализ авторского состава мемуаристов показывает, что для советского периода характерна противоположная тенденция – увеличение среди авторов представителей естественных наук, в особенности университетских физиков и сотрудников Украинского физико-технического института (теперь – ННЦ «ХФТИ»): А. И. Ахизер, В. С. Коган и др., что связано с преподаванием в Харьковском университете известных ученых (А. К. Вальтер, Л. Д. Ландау, К. Д. Синельников) и осуществлением научных открытий мирового значения (расщепление ядра атома лития, добыча жидкого гелия). В тоже время число мемуаров–автобиографий среди историков Харьковского университета, целью которых, согласно

М. Ф. Румянцевой, является установление вторичной фиксации социальных связей мемуариста в эволюционном целом [13, с. 636], значительно уменьшилось. С. М. Куделко отмечает, что «маргинальное положение автобиографических работ в советское время проявилось в том, что даже ведущие университетские историографы (призванные заниматься саморефлексией) В. И. Астахов (1922–1972), И. Л. Шерман (1911/1912–1989) и Ю. И. Журавский (1937–1991) своих развернутых автобиографий не оставили» [9, с. 161].

В годы независимой Украины ситуация с созданием и публикацией текстов автобиографического характера университетскими историками изменилась мало. В 1999 году в серии «Спогади вчених Харківського державного університету» вышли мемуары преподававшего долгие годы историю и историографию Украины проф. И. К. Рыбалко (1919–2002) [12], в 2002 году в «Харьковском историографическом сборнике» были опубликованы воспоминания преподавателя кафедры истории Украины М. А. Литвиненко со знаковым названием «Мої університети» [10].

В то же время стоит отметить, что в последнее десятилетие для университетской мемуаристики традиционным явлением стали «мемориальные» эссе. С одной стороны, это обусловлено антропологическим поворотом к субъекту, к личности ученого, с другой стороны – политикой университета по формированию корпоративной памяти научного сообщества. Ежегодно, к юбилейным датам университетских преподавателей, издаются сборники биографического характера, содержащие личные документы, библиографию работ, воспоминания учеников, друзей и коллег об ученом. Несомненным лидером по изданию мемориальных сборников в честь своих учителей в Харьковском университете является исторический факультет. На данный момент серия насчитывает 13 сборников, посвященных В. И. Астахову, Ю. А. Голубкину, Ю. И. Журавскому, Б. П. Зайцеву, В. И. Кадееву, В. А. Латышевой, В. Ф. Мещерякову, Б. К. Мигалю, В. К. Михееву, Б. А. Шрамко, А. И. Эпштейну, Г. Н. Попову, А. Е. Кучеру [16].

Известно также, что некоторые представители нынешнего профессорско-преподавательского состава исторического факультета уже записали свои воспоминания или находятся в процессе написания автобиографических текстов. Однако и реальные, и потенциальные мемуаристы в частных разговорах подчеркивают, что не собираются их публиковать до тех пор, пока работают в университете. Очевидно,

это объясняется наличием в воспоминаниях оценочных суждений. Впрочем, скрытой причиной может быть и нежелание преподавателей становиться посредством своих автобиографических нарративов объектами исследования. Ведь, согласно «нарративной истории» А. Дж. Тойнби, смысл исторического события не столько существует «объективно», сколько возникает в контексте рассказа о событии и связан с личностной интерпретацией [15].

В последнее двадцатилетие отечественные исследователи повсеместно стали использовать материалы создаваемых «устных архивов», что связано с институализацией устной истории как самостоятельного направления, и признанием устноисторического метода равноправным и равноценным наряду с другими для получения знаний о прошлом. Этот вывод можно сделать, если жестко развести понятия случайных записей очевидцев и «практики научно организованной устной информации участников или очевидцев событий, зафиксированной специалистами» [17, с. 16]. На современном этапе при высших учебных заведениях создаются центры устной истории, формируются информационные банки аудиоматериалов, реализуются устноисторические проекты. Так, с 2006 года Музей истории и исторический факультет ХНУ имени В. Н. Каразина начали реализацию устноисторического проекта «Образы университетской науки: Харьковский университет в 1940–1980-х гг.», целью которого является сбор письменных свидетельств и интервью выпускников и преподавателей Харьковского университета 1940–1980-х гг. [1]. В дальнейшем хронологические рамки проекта были расширены, и наряду с интервью выпускников советского периода участники проекта стали собирать устные воспоминания выпускников последних двух десятилетий. В результате реализации данных устноисторических проектов в Музее истории ХНУ имени В. Н. Каразина было собрано более 200 интервью выпускников и преподавателей Харьковского университета, среди которых 18 «устных воспоминаний» принадлежат профессиональным историкам, продолжившим после защиты диссертации на соискание ученой степени, работать в университете и других высших учебных заведениях г. Харькова [11].

В ходе интервью каждый респондент ответил на 68 вопросов специально разработанной анкеты, которые условно можно разделить на следующие блоки: вопросы об учебном процессе, научной и общественной деятельности в университете, студенческо-преподавательском быте и досуге, университетской символике,

отношениях в студенческой среде и др. Полученные материалы «устной истории» являются не только ценным источником новых знаний о недавнем прошлом университета, но и открывают перспективы определения организации рефлексивного самосознания и самопрезентации историков в процессе создания автобиографических текстов, которыми, по сути, являются данные интервью.

Одной из современных тенденций в анализе автобиографического опыта является использование нарративного подхода, при котором жизненный путь каждой личности воспринимается как осмысленное целое, существующее для других в форме завершённой (или рассказанной как завершённой) истории, текста / рассказа / легенды о себе. Сущность этого подхода заключается «в признании за культурными артефактами статуса повествовательных структур, понимании их как завершённых организованных текстов разных уровней и содержания» [14, с. 222]. Нарратизации подвергаются как автобиография в целом, так и её отдельные части, в первую очередь те, которые осмысливаются как ключевые, смыслообразующие. Единицей построения автобиографического нарратива принято считать событие, под которым понимают отрефлексированное, сохранившееся в памяти и наделённое «насыщенным описанием» (Г. Райл и К. Гирц [14, с. 225]) действие или случай, которые совершались, происходили или созерцались как происходящие на определённом отрезке пространства и времени жизни субъекта, в особенности, если с ними было связано что-то важное для него. Для определения особенностей рефлексии в «устных воспоминаниях» историков нами были выделены не нормативные жизненные факты (родился, поступил в университет, посещал занятия и т.п.), а наполненные особым событийным смыслом фрагменты жизни информантов, в частности фрагменты из студенческой жизни в Харьковском университете.

Так, большинство респондентов, рассказывая о поступлении в Харьковский университет, не столько останавливаются на освещении конкретной информации (когда поступил, на какой факультет), а рассуждают о трудностях, которые им пришлось преодолеть. Как оказалось, многие «профессиональные историки» не смогли в советское время поступить на исторический факультет с первого раза [6; 8]. Респонденты объясняют свою неудачу объективными, не зависящими от них причинами – большим конкурсом, льготами, которыми при поступлении в университет пользовались абитуриенты, отслужившие в армии, с трудовым стажем и рекомендациями комсомольских

организаций. При этом поступление в университет со второй попытки расценивается информантами как своего рода «небольшой подвиг», подчеркивается важность преодоления данного жизненного барьера [5]. В 1990-х годах респонденты столкнулись с другими проблемами на пути к науке – дефицитом хороших учебных пособий. Доцент кафедры истории Украины В. А. Куликов отмечает: «Лекции читали уже поновому, а книги были советские» [3, л. 9]. Поэтому, когда в то время студент Куликов привез из Москвы учебник «Основы советского государства», его одновременно читали трое ребят [3, л. 10].

Не скрывают респонденты и своих неудач в период обучения – низкие отметки («4» отмечается как слабая оценка для историка), казусы на экзаменах. Однако информанты, как правило, обращаются к данным фрагментам, чтобы показать свои способности, которые не были по достоинству оценены педагогами. Заведующая кафедрой истории и культурологии ХНУГХ имени А. Н. Бекетова О. Л. Рябченко рассказала, как получила «четверку» по зачету у В. Ф. Мещерякова только потому, что в устном ответе привела точные количественные показатели рабов на Ближнем Востоке. Преподаватель не поверил, что студентка могла запомнить такого рода материал, и сделал вывод о списывании. Ольга Леонидовна подчеркивает, что всему виной была ее феноменальная память: «я помнила все даты, что касается цифр, запоминала сразу, это иногда мне вредило» [7, л. 6]. Отметим, что респонденты часто апеллируют к теме памяти, ее значению в жизни историка, подчеркивая, тем самым, свои способности к запоминанию [3, л. 15].

Говоря о своих успехах в студенческие годы, информанты придают рассказам поучительный характер. Получение «пятерок» у строгих преподавателей, которые за свою профессиональную карьеру немногим студентам выставили наивысший балл, расценивается не просто как удачное стечение обстоятельств, а заслуженное достижение, поскольку учеба, по словам Л. Ю. Посоховой, находилась на первом месте в жизни будущего историка, каждый экзамен был действительно важным событием [5, л. 8]. Для многих поколений студентов-историков труднопреодолимым барьером в студенческой жизни стала сдача экзамена профессору кафедры древнего мира и средних веков В. И. Кадееву. Существует несколько вариаций студенческих выражений, посвященных данному событию: «сдал Кадеева, можно сказать, закончил исторический факультет», «сдашь Кадеева, можешь жениться» [4, л. 12]. Скорее всего, респонденты обращаются к

своим примерам из студенческой жизни, чтобы показать будущим поколениям историков значение учебы на историческом факультете в их дальнейшей профессиональной деятельности.

В общем, для интервью историков, в отличие от устных свидетельств представителей профессорско-преподавательского состава других факультетов, характерно постоянное сравнение прошлого и настоящего – мотивационных установок и поведения студентов, особенностей учебного процесса и организации научной деятельности. Ответы на конкретные вопросы приобретают характер рассуждений об изменениях в системе высшего образования. Респонденты, которые сами являются преподавателями исторического факультета, отмечают негативные тенденции в современном учебном процессе (отношение к учебе, профессорам, чтению книг) [5; 6]. Не остаются без внимания и вопросы, касающиеся списывания студентов на контрольных работах и экзаменах. Преподаватели не порицают такую форму поведения, однако подчеркивают, что, будучи студентами, они не прибегали к шпаргалкам и другим вспомогательным средствам, объясняя это отсутствием у себя определенных навыков к списыванию [7]. При этом информанты выделяют факторы, имевшие важное значение в процессе их лично-профессионального становления, рассказывают, кто из преподавательского состава и какое оказал на них влияние. Они отмечают, что иногда сами профессора не догадывались, что своими лекциями и стилем поведения повлияли на своих учеников [6].

Учитывая, что в анкете достаточное количество вопросов посвящено взаимодействию профессорско-преподавательского состава и студенческой среды, респонденты часто останавливаются на характеристике своих научных руководителей и преподавателей факультета. Воссоздавая образ своих учителей, информанты старались минимизировать негативные стороны «портрета», оправдать своего педагога. О. А. Ручинская таким образом сказала об уже упомянутом В. И. Кадееве: «он был строгий и выдержанный, но его лекции всегда были очень содержательны – и поэтому, не любить его было просто невозможно» [6, л. 5]. «Молодые ученые», в основном, не останавливаются на описании преподавательского состава, объясняя это этическими соображениями: «О других преподавателях я корректно промолчу, потому что смеяться над коллегами и подшучивать, будет не совсем справедливо по отношению к ним» [4, л. 7]. Даже упоминание курьезов или смешных историй о профессорах сопровождается просьбами о неразглашении – «надеюсь, Вы не будете это рассказывать» [3, л. 9]. В свою очередь, респонденты подробно

характеризуют положительные качества идеальных, по их мнению, профессоров и подчеркивают, что «большинство студентов того времени были настроены на позитивное восприятие преподавателя, больше хотели видеть в нем идеал, нежели его критиковать [5, л. 7]. Тем самым, информанты стремятся показать отличие в отношении к педагогу со стороны современного студенчества, что, по их мнению, проявляется в снижении уважения к профессорскому званию [7, л. 13].

Интервью историков отличаются также особой связью с университетским пространством. С момента поступления респонденты считают университет неотъемлемой частью жизни, а себя «университетскими людьми». Даже в случае, если по окончании университета историки трудоустроивались в другие высшие учебные заведения, проходя мимо центрального корпуса университета, они продолжают чувствовать душевный подъем [7, л. 1]. Своими личными историями, связанными с *Alma Mater*, респонденты присваивают себе университетское пространство [5].

Таким образом, анализ интервью преподавателей исторического факультета Харьковского университета показывает, что для автобиографических текстов историков, как и для других подобных текстов, характерны попытки оправдания, разъяснения своих позиций и уточнения фактов. При этом события негативного характера авторы воспоминаний объясняют трудностями на пути к науке, не зависящими от них, а достижения и успехи – своим трудолюбием и упорством. В освещении профессорско-преподавательского состава респонденты придерживаются этических норм и принципа уважения по отношению к учителям и коллегам. Для рассуждений респондентов характерна темпоральность и постоянная ревизия причинно-следственных связей между их действиями и последствиями. Автобиографический текст выступает знаковой системой, через которую историк репрезентует свой внутренний мир – взгляды, оценки, суждения. Особенности профессиональной деятельности заставляют информантов сравнивать прошлое и настоящее, делать промежуточные выводы о своем выборе, общей стратегии жизни.

1. *Іващенко В. Ю.* Проект «Образи університетської науки: Харківський університет у 1940–1980-х роках / В. Ю. Іващенко // Україна модерна. – Київ-Львів, 2007. – Ч. 11. – С. 81–82.
2. *Іващенко В. Ю.* Мемуари професорів та студентів з історії Харківського університету ХІХ – початку ХХ ст. : дис... канд. іст. наук. / В. Ю. Іващенко. – Харків, 2003. – 216 арк.
3. *Інтерв'ю* с В. А. Куликовым от 12. 10. 2010, г. Харьков / интервьюер : О. В. Корниенко // Музей истории ХНУ им. В. Н. Каразина. – Ф. 7. – Оп. 21. – П. 2. – 22 л.
4. *Інтерв'ю* с К. В. Мызгиным от 27. 11. 2012, г. Харьков / интервьюер : А. В. Середа // Музей истории ХНУ им. В. Н. Каразина. – Ф. 7. – Оп. 21. – П. 2. – 27 л.
5. *Інтерв'ю* с Л. Ю. Посоховой от 18. 11. 2010, г. Харьков / интервьюер : О. В. Корниенко // Музей истории ХНУ им. В. Н. Каразина. – Ф. 7. – Оп. 21. – П. 2. – 19 л.
6. *Інтерв'ю* с О. А. Ручинской от 25. 10. 2012, г. Харьков / интервьюер : С. А. Жидков // Музей истории ХНУ им. В. Н. Каразина. – Ф. 7. – Оп. 21. – П. 2. – 15 л.
7. *Інтерв'ю* с О. Л. Рябченко от 03. 01. 2009, г. Харьков / интервьюер : М. А. Пашкова // Музей истории ХНУ им. В. Н. Каразина. – Ф. 7. – Оп. 21. – П. 2. – 12 л.
8. *Інтерв'ю* с В. В. Скирдой от 22. 12. 2011, г. Харьков / интервьюер : В. А. Протас // Музей истории ХНУ им. В. Н. Каразина. – Ф. 7. – Оп. 21. – П. 2. – 12 л.
9. *Куделко С. М.* Автобіографічні тексти історика – значущий елемент жанрового розмаїття історіографії: нотатки до теми // Харківський історіографічний збірник. – Харків, 2014. – Вип. 13. – С. 156–166.
10. *Литвиненко М. А.* Мої університети [Спогади] // Харківський історіографічний збірник. – Х., 2002. – Вип. 5. – С. 128–134.
11. *Музей* истории ХНУ имени В. Н. Каразина. – Ф. 7. – Оп. 21. – П. 2.
12. *Рибалка І. К.* Така наша доля: Сторінки життя мого покоління. – Х., 1999. – 200 с.
13. *Румянцева М. Ф.* Исторические источники ХVIII – начала ХХ века // Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории : уч.пособие для студ. вузов, обуч. по гуманит. спец. / И. Н. Данилевский, В. В. Кабанов, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцева ; рос. гос. гуманитарный ун-т ; Ин-т «Открытое общество». – М., 2000. – С. 634–648.

14. Сапогова Е. Е. «Римейки жизни»: конструирование автобиографического нарратива. // Известия ТулГУ. Серия «Психология» / под ред. Е. Е. Сапоговой. – Вып. 5. – Ч. I. – С. 200–228.
15. Тойнби А. Дж. Постижение истории / А. Дж. Тойнби. – М., 2008. – 700 с.
16. Харківщина в мемуарах, щоденниках і подорожніх записках з XVIII ст. до сьогодення : бібліогр. покажч. / уклад. : Н. В. Аксьонова, В. В. Кравченко, Ю. Ю. Полякова, Т. О. Чугуй. – Х., 2011. – 140 с.
17. Шмидт С. О. Предпосылки «устной истории» в историографической культуре России / С. О. Шмидт // Реализм исторического мышления. Проблемы отечественной истории периода феодализма: Чтения, посвященные памяти А. Л. Станиславского : тез. докл. и сообщ. Москва, 27 января –1 февраля 1991 г. – М., 1991. – С. 262.

Красько О. И. Особливості рефлексії в автобіографічних текстах істориків: на матеріалах інтерв'ю випускників Харківського університету (кінець 1980-х – початок 2000-х рр.)

У статті проаналізовані «усні спогади» професійних істориків (випускників Харківського університету) з метою визначення їхнього рефлексивного самопізнання у процесі інтерв'ювання. Схарактеризовані специфіка інтерпретації особистого досвіду та особливості самопрезентації істориків в автобіографічних текстах.

Ключові слова: інтерв'ю, історики, респонденти, рефлексія, Харківський університет.

Olha Krasko. Peculiarities of reflexion in autobiographical texts of historians (out of the interviews of Kharkiv University graduates)

The article considers «oral memories» of professional historians (Kharkiv University graduates) in order to determine their reflexive self-consciousness in the interviewing process. The author analyzes specific character of interpretation of personal experience and features of historians' self-presentation in autobiographical texts.

Keywords: interview, historians, respondents, reflexion, Kharkiv University.